

© — 1993 Е. В. ПАДУЧЕВА

ГОВОРЯЩИЙ КАК НАБЛЮДАТЕЛЬ:
ОБ ОДНОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ
ЛИНГВИСТИКИ В ПОЭТИКЕ

В статье рассматривается феномен эгоцентричности естественного языка — его ориентированности на говорящего. При речевом режиме интерпретации высказывания у говорящего имеется несколько функций — функция субъекта речи, субъекта дейкса, субъекта сознания, функция наблюдателя. Ставится вопрос о заместителях говорящего (в различных его функциях) при нарративном режиме интерпретации эгоцентрических элементов. Рассматривается поэтический прием, использующий фигуру говорящего в его функции наблюдателя.

The phenomenon of egocentricity of the natural language, i. e. its orientation towards the speaker is under consideration. In the speech key the speaker has the following functions: the function of the speech subject, of the subject of deixis, of the subject of consciousness, of the observer. A problem of substitutes of the speaker (in its different functions) in the narrative key of interpretation of egocentric elements discussed here. The poetical device using the figure of the speaker in the function of an observer is analysed.

1. Некоторые проблемы поэтики,
связанные с понятием говорящего

Задача настоящей статьи — показать, что ряд важнейших проблем современной поэтики порожден одним и тем же языковым феноменом, а именно дейктичностью и даже шире — эгоцентричностью естественного языка, его ориентированностью на говорящего. К числу таких проблем могут быть отнесены:

- «образ автора» в художественном произведении, скажем, образ автора в Евгении Онегине (см., например, [1]);
- проблема полифонии, как она была поставлена М. М. Бахтиным на примере романов Достоевского, и связанные с нею проблемы несобственной прямой речи (*style indirect libre*) и внутреннего монолога, см., например, [2, 3];
- понятие точки зрения, которому посвящена монография Б. А. Успенского [4] (см. там же обширную литературу по данному вопросу);
- понятие креативной рамки, разрушающей иллюзию реальности мира, создаваемого нарративным текстом, проблемы, изучавшиеся Ю. И. Левиным на примере романов Набокова [5];
- понятие художественного пространства, разработанное, в частности, Ю. М. Лотманом на материале произведений Гоголя [6];
- присутствие наблюдателя в описании природы, отмеченное, к примеру, М. Л. Гаспаровым при анализе пейзажей в поэзии Тютчева [7].

Все указанные проблемы, при всем их различии и разнообразии, объединяет то, что они обязаны своим возникновением одному и тому же свойству естественного языка — неотделимости текста от его создателя; в лингвистических терминах — неотделимости высказывания от говорящего.

В принципе, построить текст, в котором не было бы никаких следов присутствия автора, невозможно. Н. Г. Чернышевский в свое время поставил перед собой специальную задачу создать роман, в котором нельзя было бы обнаружить

присутствия автора; замысел, однако, остался неосуществленным (см. [2]). Дело в том, что присутствие автора (и авторской точки зрения) — или, в лингвистических терминах, присутствие Говорящего и соответственно точки зрения Говорящего — заложено в семантику самых обычных слов и грамматических категорий естественного языка. Хорошо известный класс таких слов составляют деictические слова, которые принимают непосредственное участие в референции — в отождествлении лиц, предметов, временных интервалов и участков пространства (таковы местоимения *я*, *ты*, *здесь*, *сейчас*, *тут*, *там*, *этот*, *тот* или русские частицы *вон* и *вот*, обладающие идеосинкретическим сочетанием значений, в силу которого они плохо переводятся на другие языки). Берtrand Рассел назвал слова этого рода эгоцентрическими, поскольку они ориентированы на *ego*, т. е. на Говорящего. Представляется, однако, целесообразным использовать этот термин в лингвистике в более широком значении и относить к эгоцентрическим не только дейктические слова и элементы, но и показатели так называемой субъективной модальности (по В. В. Виноградову) — вводные слова; высказывания со специфической структурой, выражающие те или иные типы речевых актов; модальные слова и частицы, которые подразумевают говорящего, и т. п. Р. О. Якобсону принадлежит заслуга объединения дейктических и модальных элементов в единую языковую категорию так называемых шифтеров [8].

2. Говорящий и его ипостаси

Шифтеры, или эгоцентрические слова, полностью раскрывают свое значение только в контексте нормальной (канонической) речевой ситуации [9] — когда Говорящий не отделен от своего высказывания; когда момент создания высказывания совпадает с моментом его восприятия Адресатом (т. е. когда Адресат является Слушающим); когда Говорящий и Адресат имеют общее поле зрения — в частности, могут видеть друг друга.

Семантика слов и грамматических категорий естественного языка предполагает Говорящего в нескольких различных ролях, и в канонической речевой ситуации все эти роли выполняет реальный говорящий. Так, мы можем различить у Говорящего следующие роли [10]: 1) Говорящий как субъект речи; 2) Говорящий как субъект дейкса; 3) Говорящий как субъект сознания; 4) Говорящий как Наблюдатель (субъект наблюдения).

Заметим, что во 2-м и в 4-м из выделенных нами аспектов понятия Говорящего существенно, что Говорящий — это, помимо всего прочего, физическое тело, занимающее определенное положение в пространстве; тогда как для 1-го и 3-го аспектов физические координаты и параметры Говорящего не играют роли. Несколько примеров.

1) Говорящий как субъект речи обнаруживает себя в семантике речевых актов. Пример (1) известен как парадокс Мура:

- (1) а. Она красива, но Джон так не считает;
б. *Она красива, но я так не считаю.

Почему предложение (б) аномально, хотя (а) звучит вполне естественно? Дело в том, что Говорящий должен считать, что то, что он говорит, имеет место: когда он утверждает нечто, он берет на себя эпистемическое обязательство, т. е. некую ответственность за истинность утверждаемой пропозиции.

Роль Говорящего с особой силой обнаруживается в семантике косвенных речевых актов, как это демонстрирует пример (2):

- (2) Не можете ли вы передать соль?

Назначением высказывания (2) является выражение просьбы Говорящего: именно Говорящий является субъектом желания, входящего в семантику речевого акта просьбы. Аналогичным образом, Говорящий «маячит на задворках» выска-

зываания, выражающего любой другой речевой акт, — особенно если это не просто утверждение (хотя и семантика утверждения включает отсылку к Говорящему как к субъекту эпистемического обязательства).

Только Говорящий имеет право использовать обращение и называть Адресата со своей точки зрения, а именно называть Адресата *ты* или *Вы*. В серии интересных примеров из русских чеобитных XVII в., которые приводятся в [4], аномалия возникает из-за того, что автор, называя себя в 3-м лице и тем самым отрицая себя как Говорящего, в силу этого лишает себя права на называние Адресата со своей точки зрения, т. е. права на употребление местоимения *твой*:

- (3) Государю Борису Ивановичу бьем челом... твой
крестьянин Терешко Осипов.

2) Говорящий как субъект дейксиса — это наиболее традиционный объект изучения в лингвистике, и этот аспект фигуры Говорящего лучше всего описан. Так, очевидно, что *здесь* = 'в том месте, где находится Говорящий (в момент данной своей речи)'; что *там* = 'в некотором месте, удаленном от Говорящего', и т. д. Говорящий является началом той «системы координат», которая служит участникам речевой ситуации в качестве главного орудия референции.

3) Говорящий как субъект сознания обнаруживает себя в контексте слов и синтаксических конструкций, где субъект ментального, эмоционального или волитивного состояния подразумевается семантикой предиката, но не выражен или даже не может быть выражен в тексте высказывания; такое состояние обычно интерпретируется как состояние Говорящего:

- (4) а. Иван кажется, чем-то расстроен;
б. Жалко, что он не пришел;
в. Вдруг он остановился (ср. * Вдруг я остановился);
г. К сожалению, его нет дома;
д. Возможно, он придет;
е. Похоже, что он выиграет;
ж. Дай Бог, чтобы все обошлось благополучно;
з. Это здание напоминает античный храм.

4) Говорящий в роли Наблюдателя был описан в русской лингвистической литературе Ю. Д. Апресяном [11]; ср. пример (5):

- (5) а. На дороге показался всадник;
б. * На дороге показался я.

Фраза (5б) аномальна. В самом деле, Говорящий — подразумеваемый субъект предиката восприятия, входящего в семантическое разложение глагола *показаться*: *показаться* — значит 'начать находиться в поле зрения Говорящего'; но Говорящий не может начать находиться в поле зрения самого себя, тем более что глагол *показаться* включает идею расстояния между Наблюдателем и наблюдаемым объектом. Отсюда аномальность предложения (5б), где подлежащим у глагола *показаться* является местоимение 1-го лица.

В примере (6) *мимо* = 'мимо места, занимаемого Говорящим'; в роли Наблюдателя выступает Говорящий (впрочем, в (7) *мимо* = 'мимо места, занимаемого Адресатом'):

- (6) Паду ли я стрелой пронзенный,
Иль мимо пролетит она (Пушкин).
(7) Шла мимо. Учуяла запах дыма. Решила зайти
по пути (Д. Самойлов).

Имеются языковые контексты, которые предполагают движущегося наблюдателя:

- (8) а. Деревня скрылась за пригорком = 'Говорящий изменил местоположение';
 б. Смотри, сейчас Иртыш будет впадать в Обь = 'Говорящий — а скорее всего и Адресат — движется'.

3. Эгоцентрические элементы в канонической речевой ситуации

Языковые элементы, семантика которых предполагает в канонической речевой ситуации Говорящего, весьма разнообразны. Назовем некоторые из них:

1) Вводные слова выражают мнение или эмоциональное состояние Говорящего, см. пример (4а) из раздела 2.

2) Неопределенные (а именно, так называемые слабоопределенные) местоимения выражают неопределенность идентификации объекта, которая входит в намерение Говорящего; отсюда аномальность фразы (1 б):

- (1) а. Он женат на одной полячке,
 б. * Мне сказали, что он женат на одной полячке.

Фраза (9а) означает, что Говорящий знает женщину, т. е. в состоянии идентифицировать ее перцептивно или дескриптивно (ср. знание по знакомству и знание по описанию в смысле Б. Рассела), но не имеет в виду передать эту свою способность (к идентификации) Адресату; отсюда аномальность фразы (1 б), где говорящий цитирует чьи-то слова, так что сложная семантика слабоопределенного местоимения (см. [12]) повисает в воздухе.

3) Презумпции, входящие в семантику слова, — это, в контексте канонической речевой ситуации, презумпции Говорящего; так, во фразе

- (2) Я пенсионер, но люблю музыку

не кто иной, как Говорящий является носителем выражаемого этой фразой ощущения противоречия между двумя фактами, вообще говоря, вполне совместимыми.

4) Номинации объекта тоже могут подразумевать Говорящего; так, во фразе

- (3) Сестра волнуется

предпочтительной «точкой опоры» для референциального неполноценного существительного *сестра* является говорящий: *сестра* = 'сестра Говорящего'.

5) Идентификация — это, как правило, идентификация, осуществляемая Говорящим; ср. семантически прозрачное предложение (4а) и в отличие от него (12б), которое ставит некоторую проблему:

- (4) а. Я сегодня видел того самого гражданина;
 б. Тут у самого входа на Бронную со скамьи навстречу редактору поднялся тот самый гражданин, что тогда при свете солнца вылуился из мирного зноя.
 (Булгаков. Мастер и Маргарита)

В (4а) упоминается Говорящий, и ясно, что *тот* *самый* выражает идентификацию, осуществленную Говорящим: Говорящий «узнал» во встречном того, кого видел раньше. Между тем (4б) не подразумевает Говорящего, и субъект идентификации неясен.

6) Оценка — это оценка Говорящего; ср. пример из [4]:

- (5) Тут собака Калин царь говорил Илье да таковы слова:
 Ай ты старыя казак да Илья Муромец! Да служи-тко ты собаке царю Калину. («Онежские былины»)

Аномальность последней фразы примера (5) объясняется тем, что пейоративная номинация Калина-царя попадает в его собственную прямую речь, т. е. приписывается

самому царю, вне этого контекста отрицательная оценка Калина-царя интерпретируется как оценка Говорящего (см. 1-ю фразу), и аномалии не возникает.

4. Дейктический и нарративный режимы интерпретации эгоцентрических элементов

В работе [13] было предложено различать д е й к т и ч е с к и й (речевой) и н а р а т и в н ы й режимы интерпретации дейктических элементов — слов и грамматических форм (это противопоставление приблизительно, но не вполне, соответствует противопоставлению *plan de discours/plan de récit* по Бенвенисту).

Когда высказывание или данный его элемент интерпретируются в дейктическом режиме, т. е. в рамках канонической речевой ситуации, то роль Говорящего, предусмотренная семантикой дейктического элемента, выполняется реальным говорящим. В повествовательном тексте нет Говорящего: полноценный Говорящий возможен только в условиях канонической речевой ситуации, а повествовательный текст должен интерпретироваться вне такой ситуации. В таком случае возникает вопрос: кто замещает Говорящего, когда высказывание с эгоцентрическим элементом интерпретируется в нарративном режиме? Имеется две возможности: замещать Говорящего может либо один из персонажей (выступающий в этот момент как представитель автора), либо специально задуманный представитель автора — повествователь, или рассказчик.

Итак, различаются два режима интерпретации эгоцентрических элементов — дейктический, когда роль Говорящего выполняет реальный говорящий, и нарративный, когда реальный говорящий отсутствует; и в пределах нарративного режима — две стратегии при выборе заместителя Говорящего: заместитель-персонаж и заместитель-повествователь.

Имеется и третий режим интерпретации дейктических элементов, который можно назвать с и н т а к с и ч е с к и м: дейктическое слово или категория может занимать особую синтаксическую позицию; например, если дейктический элемент входит в состав предложения, подчиненного глаголу речи, восприятия, мнения, эмоции, Говорящий замещается синтаксическим субъектом подчиняющего предложения. Так, в (А), (Б) в роли субъекта сознания, требуемого эгоцентрическим элементом в составе подчиненного предложения, выступает не Говорящий, а лицо, обозначаемое подлежащим подчиняющего предложения: в (А) субъект уверенности — Зина; в (Б) субъект наблюдения — Иван:

- (А) Зина считает, что Иван, безусловно, вернется;
- (Б) Иван, говорит, что в этот момент на дороге показался я (пример из [11]).

Ниже мы приведем несколько примеров дейктических элементов, допускающих интерпретацию в разных режимах.

П р и м е р 1. Временные наречия: *сейчас, недавно, давно*

а. *Дейктический режим интерпретации.* Словари русского языка (в частности, Словарь языка Пушкина, см. также [14]) различают три значения слова *сейчас*:

- сейчас 1 = 'в настоящий момент' (с настоящим временем глагола)*¹
- сейчас 2 = 'только что' (с глаголом в прош. времени);*
- сейчас 3 = 'в ближайшем будущем' (с глаголом в буд. времени).*

¹ Ограничение сочетаемости, указанное для сейчас 1 — невозможность употребления в контексте формы прошедшего (или будущего) времени — касается только глаголов несов. вида; глагол совершенного вида сочетается с сейчас 1 и при прош. времени (что отмечено И. А. Мельчуком в [14]). Так, во фразе *Мы сейчас изменили порядок оформления документов* слово *сейчас* употребляется в значении сейчас 1 [14]. Дело в том, что референциальный интервал глагола прош. времени сов. вида (в его основном, перфектном, значении) в отличие от прош. времени несов. вида включает настоящий момент — на настоящий момент приходится результатирующее состояние, наступившее сразу после осуществления действия.

В канонической речевой ситуации, т. е. при дейктической интерпретации, слово *сейчас* может употребляться во всех трех своих значениях:

- (1) Я сейчас пишу письмо;
- (2) Я сейчас писал письмо;
- (3) Я сейчас буду писать письмо.

Сейчас 1 выражает в дейктическом режиме одновременность ситуации с моментом речи, т. е. с настоящим временем Говорящего. Отсюда аномальность в примере И. А. Мельчука [14]:

- (4) К Мише нас не пустили. * Он был сейчас с дамой.

В самом деле, при дейктической интерпретации возникает противоречие: *сейчас* выражает одновременность ситуации с моментом речи, а прошедшее время представляет ситуацию как предшествующую этому же моменту.

б. *Нarrативный режим интерпретации*. В нарративном режиме *сейчас 2* и *сейчас 3* невозможны, меж тем как *сейчас 1* может обозначать либо настоящее время персонажа, пример (5), либо настоящее время повествователя, пример (6) (из [15]):

- (5) Он, Тиверзин, вышел, хлопнув дверью, и зашагал вперед, не оборачиваясь. Его окружали осенняя сырость, ночь, темнота. (...) Этот мир был ему сейчас ненавистнее, чем когда-либо. (Пастернак. «Доктор Живаго»)
- (6) Пожилой пассажир, сидевший у окна неумолимо мчавшегося железнодорожного вагона (...), был не кто иной, как профессор Тимофей Пнин. Идеально лысый, загорелый и гладко выбритый, он начинался довольно внушительно огромными черепаховыми очками (...), но заканчивался несколько разочаровывающе, парой журавлиных ног (сейчас они во фланелевых штанах, одна на другой) и хрупкими, почти женскими ступнями. (Набоков. «Пнин»)

В отрывке, составляющем пример (6) (существенно, что это первый абзац романа), повествователь вначале не обнаруживает себя в своей функции Наблюдателя; только когда читатель доходит до *сейчас* — во вводной позиции, в скобках и в составе высказывания в наст. времени, — он осознает, что в упомянутом железнодорожном вагоне, помимо всех прочих пассажиров, незримо присутствует повествователь, выступающий в роли непосредственного Наблюдателя событий, происходящих с героем. Таким образом, в (6) *сейчас 1* выражает одновременность ситуации с настоящим временем повествователя.

Заметим, что время сказуемого во вводном предложении в (6) могло бы быть и прошедшее (ср. прош. время в (5)): при нарративном режиме *сейчас 1* не противоречит прош. времени глагола — ни *сейчас 1*, ни прош. время при нарративном режиме не соотносят ситуацию с моментом речи.

Лексемы *сейчас 2* и *сейчас 3*, которые не поддаются интерпретации в нарративном режиме (они не интерпретируются и в синтаксическом, см. ниже), могут быть названы собственно дейктическими.

в. *Синтаксический режим интерпретации*. Когда лексема *сейчас 1* интерпретируется в синтаксическом ключе, она означает 'в настоящий момент субъекта подчиняющего предложения' (т. е. в тот момент, когда этот субъект говорил, воспринимал, мыслил, чувствовал):

- (7) Он ясно понимал, что сейчас от него требовалось/требуется.

Обратим внимание, что при синтаксическом режиме интерпретации (как и при нарративном, см. пример (5)), *сейчас 1* свободно употребляется в контексте прош. времени глагола: прош. время в (7) — это прош. нарративное, которое не выражает предшествования ситуации моменту речи (см. [13]); отсюда контекстная синонимия прош. времени с настоящим (*требовалось* — *требуется*).

Итак, во всех трех режимах *сейчас 1* означает 'в наст. момент'; но при

действическом режиме наст. момент — это настоящий момент Говорящего (момент речи); при нарративном — наст. момент персонажа или повествователя, а при синтаксическом — наст. момент субъекта подчиняющего предложения².

Аналогичные возможности интерпретации в трех режимах имеются и у других временных наречий. Ср., например, наречие *недавно* ‘не задолго перед настоящим моментом’. Предложение (8) звучит аномально; в самом деле, для *недавно* предпочтительна интерпретация в действическом режиме, так что в (8) оно должно пониматься как ‘не задолго перед моментом речи’, т. е. в 1990 г. Между тем автор, конечно, имел в виду начало 60-х годов:

- (8) В начале 60-х мне позвонил Симон Чиковани, (...) близкий друг недавно умершего Пастернака. (Е. Евтушенко, «Огонек», 1990).

Нужно было бы сказать *тогда недавно умершего*: наречие *тогда* вступило бы в анафорическую связь с обстоятельством времени *в начале 60-х годов*, и *недавно* получило бы правильную точку отсчета, фиксированную внутри самого высказывания (действием ‘позвонил’), а не заданную извне моментом речи. Иными словами, *недавно* получило бы возможность интерпретации в нарративном режиме через наст. момент, заданный в тексте.

В примере (9а) сочетание *совсем недавно* успешно интерпретируется (в соответствии с намерением автора) в нарративном режиме: наст. момент фиксируется 1-м предложением текста — это момент создания митрополитом Илларионом «Слова о законе и благодати»; так что *недавно* во 2-м предложении означает ‘незадолго до этого момента’. Вне контекста, где фиксирован момент, служащий наст. временем для данного отрывка текста, *совсем недавно* будет, как и *недавно*, интерпретироваться в речевом режиме; ср. (9б), бессмысленное, поскольку князь Владимир ничего не мог сделать *«недавно»*:

- (9) а. «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона отделено от крещения Руси примерно полстолетием. Совсем недавно практиковались обычай человеческих жертвоприношений; совсем недавно князь Владимир предпринимал последнюю попытку поднять язычество в ранг государственной религии, ставя кумиров у теремного двора, — и уже сознание стало иным. (С. Аверинцев)

б. Совсем недавно князь Владимир сделал последнюю попытку...

Заметим, что в англ. языке есть два перевода для русского *недавно* — *recently* и *lately*; второе означает ‘недавно’ с предпочтительно нарративным режимом интерпретации (устное замечание Г. Фалькенберга).

В примере (10) (последняя фраза рассказа Горького «О первой любви») *недавно* интерпретируется в действическом режиме — через ссылку к внешекстовому наст. времени повествователя. При этом создается специальный эффект — иллюзия реальности повествователя, т. е. его существования, не ограниченного пределами текста:

- (10) Недавно она умерла.

То же самое верно для наречия *давно* и адвербиальных сочетаний типа *через два дня, два года тому назад*: нормально они интерпретируются в действическом ключе, т. е. точкой отсчета для них служит момент речи (наст. время Говорящего). Но интерпретация в нарративном ключе тоже допустима; так, в (11) еще давно, в июне 1937-го означает, что июнь 1937-го отделен небольшим периодом времени от того момента, который фиксирован в 1-м предложении, а не от 1992 г., к которому относится наст. момент Говорящего:

² В [14] *сейчас 1*, интерпретируемое в нарративном режиме, трактуется как отдельная лексема *сейчас 4*. Можно думать, что предлагаемое нами описание представляет в более общем виде взаимодействие между лексическим значением слова и контекстами его употребления.

- (11) Осип Эмильевич и сам понимал небеспредельность писательской власти и ничего решительного не ждал. Еще давно, в июне 1937-го, он писал...
(Э. Поляновский, «Известия», 1992)

Адвербильные сочетания со словом *спустя*, напротив, имеют предпочтительно нарративную интерпретацию. Ср. в рассказе С. Довлатова «Ищу человека», первая фраза текста, обыгрывание аномалии, возникающей из-за того, что сочетание *четыре года спустя* употребляется в контексте, где еще не фиксирован момент, способный служить для него точкой отсчета:

- (12) Четыре года спустя на лице журналистки Агаповой появится глубокий шрам от удара металлической рейсшиной. (Довлатов. «Ищу человека»)

Представляет также интерес сочетание *до сих пор*:

- (13) а. Бабушка *до сих пор* любит его без памяти («Пиковая дама»);
б. До сих пор бабушка любила его без памяти.

В предложении (13а) с глаголом в наст. времени *до сих пор* допускает только дейктическую интерпретацию (наст. момент = момент речи), и предложение имеет только одно значение: 'до настоящего момента, т. е. до момента речи, любила, и в настоящий момент продолжает любить'. Но если глагол стоит в прош. времени, то предложение имеет две интерпретации:

- в дейктическом ключе, т. е. при дейктической интерпретации прош. времени, (13б) = 'до момента речи любила; ее чувства в наст. момент неизвестны';
— в нарративном ключе (13б) = 'до наст. момента (а именно, до момента, фиксированного в предшествующем тексте как наст. время персонажей) любила и продолжает любить в наст. момент'.

Пример 2. Грамматическое время

Грамматическое время, как и временное наречие, может интерпретироваться во всех трех режимах. Ниже речь идет о форме прош. времени несов. вида и о буд. времени обоих видов.

а. *Дейктический режим интерпретации*. В примере (14) прош. время интерпретируется в дейктическом режиме, т. е. выражает предшествование моменту речи — наст. моменту говорящего:

- (14) — Что ты делал? — Играли в карты.

б. *Нарративный режим интерпретации*. При нарративном режиме момент речи не принимает участия в интерпретации предложения: его место занимает так наз. *текстовое настоящее время* — наст. время персонажа или наст. время Наблюдателя-повествователя. Наст. время персонажа — это время, когда с ним произошло последнее событие (так, в примере (5) текстовое наст. время — это момент, когда «Он [Тиверзин] вышел (...) и зашагал вперед»). Текстовое наст. время служит точкой отсчета при интерпретации форм прош. и буд. времени. См. (15) — пример интерпретации прош. времени несов. вида в нарративном режиме:

- (15) Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова
(«Пиковая дама»)

Прош. время — в своем особом нарративном значении — выражает здесь не предшествование, а синхронность настоящему времени Наблюдателя (т. е. моменту наблюдения). С референциальной точки зрения прош. нарративное равно настоящему.

Течение текстового времени определяется либо действиями персонажей, либо изменением временной позиции Наблюдателя-повествователя. В примере (16) точка отсчета (для глагола в буд. времени) фиксируется как наст. время повествователя: таким образом, буд. время в (16) — это нарративное будущее, точкой

отсчета для которого служит не момент речи, а момент наблюдения, совпадающий с каким-то моментом текстового времени:

- (16) Манилов увел приятеля в комнату. Хотя время, в продолжение которого они будут проходить сени, переднюю и столовую и несколько коротковатое, но попробуем (...) им воспользоваться и сказать кое-что о хозяине дома. (Гоголь. «Мертвые души»).

Буд. нарративное представлено также примерами (17) — (19) (из [16]), где повествователь как таковой не эксплицирован:

- (17) Белинский еще не раз вернется к этой теме;
(18) Вскоре он уедет из Москвы;
(19) Этот свой поступок он будет помнить потом всю жизнь.

Однозначное понимание формы буд. времени в значении буд. нарративного обеспечивается каждый раз разными факторами. В (18) — наречием *вскоре*, для которого предпочтительна интерпретация в нарративном режиме: соответствующее дейктическое наречие — *скоро*. В (19) ключевым является слово *потом*, в котором уже заключена ретроспекция по отношению к какому-то моменту — очевидно фиксированному в предтексте (тем самым момент речи «скомпрометирован» как точка отсчета). Предложению (17) мешает быть предсказанием на будущее только то, что Белинского нет в живых, так что с лингвистической точки зрения здесь и дейктическая интерпретация формы буд. времени не исключена.

Пример, когда носителем текстового наст. времени является персонаж, был приведен выше (см. пример (5) в наст. разделе). Возникает вопрос, что происходит с текстовым временем при наличии в тексте нескольких персонажей, действующих независимо друг от друга: какой из них является носителем текстового времени? В. В. Виноградов обнаружил и проследил (на примере «Пиковой дамы» Пушкина) зависимость текстового времени от персонажа. Как отмечает В. В. Виноградов [17], такая зависимость приводит к тому, что разные персонажи текста часто имеют каждый свою (несинхронизированную) хронологию, так что автору могут потребоваться специальные усилия, чтобы обеспечить синхронизацию:

- (20) Однажды — это случилось два дня после вечера, описанного в начале этой повести, и за неделю перед той сценой, на которой мы остановились, — однажды Лизавета Ивановна... («Пиковая дама»).

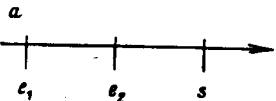
Заметим, что фраза *На дороге показался я* (пример (5б) из раздела 2) аномальна только в том случае, если форма прош. времени сов. вида интерпретируется в дейктическом ключе, т. е. в значении ‘только что показался’: только в этом случае местоимение *я* обозначает Говорящего в его функции Говорящего — в частности, как носителя дейктического наст. времени и как Наблюдателя. При нарративной интерпретации прош. времени сов. вида Говорящий может уже смотреть на себя самого (в прошлом) со стороны и описывать ситуацию глазами другого лица. Так, в (21) сочетание глагола *показаться с подлежащим я* допустимо, поскольку прош. время интерпретируется здесь в нарративном режиме и в роли Наблюдателя выступает протагонист Говорящего:

- (21) Тут на дороге показался я, и он спрятался в кусты.

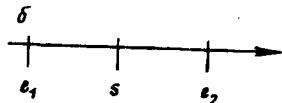
в. Синтаксический режим интерпретации (*относительное время*). В диаграммах, приведенных ниже, через *s* обозначен момент речи (наст. время Говорящего), через *e₁* — время, к которому относится ситуация, обозначенная глаголом в главном предложении, через *e₂* — время ситуации, выражаемой придаточным. Интерпретация временной формы (глагола в придаточном) представлена диаграммами (22а) — (25а). Для сравнения параллельно даны диаграммы (22б) — (25б), которые демонстрируют возможность интерпретации тех же форм в дейктическом режиме.

(22) Я не знал₁, что меня встретят₂:

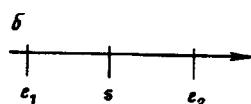
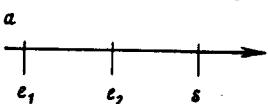
a. (синтаксический режим)

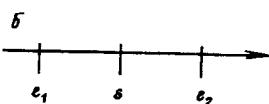
b. (дейктический режим)

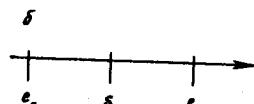
(23) Он обещал₁, что будет писать₂:

(24) Иван надеялся₁, что я вернулся₂:

(25) Иван скажет₁, что ты заставил его ждать₂:

В примере (22) при интерпретации в синтаксическом режиме ситуация, обозначаемая глаголом в буд. времени, реально относится к прошлому: *встретят* = 'уже встретили'. Понимание буд. времени как буд. дейктического затруднено, хотя и не исключено: *встретят* должно пониматься как 'должны встретить'. Для (23), наоборот, более естественно дейктическое понимание буд. времени. В (24) оба понимания равно допустимы; при синтаксической интерпретации уже ясно, что я вернулся, а при дейктической Иван узнает еще только о моем намерении не возвращаться. В (25) при интерпретации в дейктическом режиме речь идет о том, что скажет Иван про событие, которое уже имело место, а при интерпретации в синтаксическом ключе — о событии, которое только еще должно произойти в будущем; ср., например, такой контекст: *[Иди, а то] Иван скажет, что ты заставил его ждать*.

П р и м е р 3. Грамматический вид

Как было отмечено Ю. Д. Апресяном [18], форма несов. вида глагола (выражающего состояние), может иметь в прош. времени следующие два значения:

(26) На стене справа висела картина —

- общефактическое значение: '(Посмотри,) на стене справа (раньше) висела картина! (Где она теперь?)';
- актуально-длительное значение: '(Иван вошел в комнату...) На стене справа висела картина'.

Из сказанного ранее ясно, что значение формы вида непосредственным образом определяется режимом интерпретации формы прош. времени:

— при дейктическом режиме форма прош. времени понимается в своем первичном значении предшествования моменту речи; соответственно, видовое значение глагола — ретроспективное («общефактическое»).

— при нарративном режиме интерпретации прош. время понимается как прош. нарративное, не соотнесенное с моментом речи; видовое значение глагола — синхронное («актуально-длительное»).

Общефактическое значение вида предполагает ретроспективного наблюдателя; актуально-длительное — синхронного. Наблюдателем может быть и персонаж (как в (26 б)), и повествователь; ср., например, в строчках Ахматовой

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни.

присутствие незэксплицированного повествователя, выражаемое актуально-длительным значением глагола *несов. вида устилают*.

Различие в интерпретации вида является в примере (26) производным от различия в интерпретации времени. Форма наст. времени не различает подобных двух интерпретаций, и соответственно в наст. времени нет аналогичного аспектуального противопоставления.

Синтаксический режим интерпретации для формы вида не дает никаких новых значений, по сравнению с нарративным, поскольку для видового значения существенно только противопоставление ретроспективного и синхронного Наблюдателя, а не конкретное время наблюдения, как для формы времени. Так, в (27) форма *несов. вида* имеет актуально-длительное значение, как и в (26 б), хотя интерпретируется не в нарративном, а в синтаксическом ключе:

(27) Заглянув в окно, Иван увидел, что на стене справа висит картина.

5. Фигура наблюдателя как поэтический прием

Обратимся теперь к эгоцентрическим элементам языка как к источнику литературных приемов, концентрирующихся вокруг «образа автора в художественном произведении». Рассмотрим пример, который показывает, что литературный прием может основываться на присутствии в тексте говорящего именно в роли Наблюдателя. Сопоставим два отрывка. Первый — из «Евгения Онегина»:

Они дорогой самой краткой
Домой спешат во весь опор.
Теперь послушаем украдкой
Героев наших разговор.

В этом отрывке повествователь не просто присутствует, а присутствует в роли Наблюдателя — «на близком расстоянии»; он непостижимым образом находится на месте действия и, более того, приглашает читателя разделить с ним эту его более чем сомнительную позицию, чтобы наблюдать за персонажами вблизи. Заметим, что Наблюдатель, который столь беспардонно обнаруживает себя во 2-й фразе отрывка, присутствует и в 1-й, поскольку синхронного Наблюдателя требует актуально-длительное значение глагола *несов. вида спешат*. Однако видовая форма задает только временную позицию Наблюдателя («в середине» развертывающейся во времени ситуации): пространственная позиция Наблюдателя 1-й фразой не определена; между тем 2-я фраза показывает, что Наблюдатель не только есть, но и находится рядом с персонажами.

Искусственность фигуры Наблюдателя в данной сцене очевидна: Наблюдатель должен занимать какое-то пространство; более того, в данной сцене он должен двигаться вместе с героями. Но это в пределах реальности невозможно; так что фигура Наблюдателя в этой сцене — условность, поэтический прием.

Второй отрывок — из биографического повествования Набокова «Другие берега», эпизод приезда гувернантки из главы 5 (первоначально опубликованный в виде рассказа «Мадмуазель О»), где возникает персонифицированный Наблюдатель, не совпадающий с повествователем, а существующий на правах двойника автора («Я не поехал встречать ее на Сиверскую (...), но теперь высыпаю туда призрачного представителя и через него вижу ясно, как она выходит из желтого вагона(...)»). Фигура Наблюдателя — «призрачного представителя» автора — позволяет Набокову далее описывать все события как протекающие «на глазах» и «на ушах» у читателя.

При том, что повествователь, в том числе в роли Наблюдателя, — это традиционный литературный прием, фигура персонифицированного Наблюдателя, отличного от по-

вествователя, является, насколько можно судить, набоковской инновацией. Есть основания думать, что Набоков хотел дать понять читателю, что литературный источник его Наблюдателя следует искать в вышеупомянутой сцене из «Онегина». Наиболее ясный намек — фраза *Не забудем и полной луны* (как известно, луна присутствовала в сцене разговора Онегина с Ленским: «Кругла, красна лицом она, как эта глупая луна на этом глупом небосклоне», говорит Онегин про Ольгу). Еще одна очевидная аллюзия к «Онегину» — *морозная пыль* («Морозной пылью серебрится его бобровый воротник»): *Снег — настоящий на ощупь, и когда я наклоняюсь, чтобы поднять его в горсть, полвека жизни рассыпаются морозной пылью у меня промеж пальцев.*

Прием, использованный Пушкиным, когда функцию Наблюдателя выполняет повествователь, вполне укладывается в традицию; новизна приема, избранного Набоковым, состоит в том, что Наблюдатель оказывается у него фигурой отдельной от повествователя — еще более условной и еще более не укладывающейся в рамки реальности, чем Наблюдатель-повествователь (возможно, назначение этого приема в сцене с Мадмуазель О состоит в том, чтобы сбалансировать ностальгическую тему, которая в противном случае звучала бы в данном отрывке не по-набоковски серьезно). Нам важно было показать, что фигура «призрачного представителя автора» позволяет ввести в повествование и задействовать целый пласт конструктивных элементов естественного языка, семантика которых предполагает Наблюдателя.

Можно думать, что более детальное исследование феномена Говорящего в лингвистической семантике окажется плодотворным для анализа полифонии в поэтике: именно лингвист может указать исследователю художественного текста, в каких точках повествования следует искать скрытые «голоса» — автора или его героев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокур Г. О. Слово и стих в «Евгении Онегине» // Винокур Г. О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. М., 1990.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
3. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1930.
4. Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970.
5. Левин Ю. И. Биспациальность как инвариант поэтического мира Набокова // Russian literature. 1990. XXVIII.
6. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Художественное пространство в прозе Гоголя // М., 1988.
7. Гаспаров М. Л. Композиция пейзажа у Тютчева // Тютчевский сб. Таллинн, 1990.
8. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
9. Lyons J. Semantics N. Y. etc.: Acad. press, 1978.
10. Падучева Е. В. Говорящий как субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
11. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М.: Изд-во ВИНИТИ, 1986.
12. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
13. Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Серия лит. и языка. 1986. № 5.
14. Мельчук И. А. Семантические этюды. I. 'Сейчас' и 'теперь' в русском языке // Russian linguistics. 1985. V. 9. № 2—3.
15. Paducheva E. V. Deixis in a narrative text: general strategies of interpretation // Festschrift till Carin Davidson. Åbo: academy press, 1990.
16. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Гл. 1. Темпоральность. Л., 1990.
17. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Стиль «Пиковой дамы». Изб. тр. М., 1980.
18. Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «смысл-текст» // Wiener slawistischer Almanach. SBD. 1. Wien, 1980.